

УДК (470.67):316.422.6

А.-Н.З. Дибиров

Дагестан сегодня: архаизация, или затянувшийся кризис традиционного общества¹

Дагестанский институт политики и экономики; anzidi@yandex.ru

В статье в контексте глобальных тенденций общественного развития и внутренней динамики российского общества анализируются процессы, происходящие в современном Дагестане. Предпринята попытка выявления ключевых проблем современного дагестанского общества с позиций кризиса традиционного общества. Особое значение автор придает изменениям в социальной сфере дагестанского общества, которые существенно поменяли профессиональную, гендерную, демографическую, этническую, территориальную структуру общества. Кризисное состояние дагестанского общества, по мнению автора, связано, главным образом, с тем, что эти изменения не нашли адекватного отражения в политической системе общества.

Ключевые слова: *архаизация, идентичность, маргинализация, охранительный авторитаризм, социальная структура, традиционное общество, религиозно-политический экстремизм, этнический национализм, этнос.*

In the article, processes taking place in modern Dagestan are analyzed in the context of global trends of social development and of internal dynamics in Russian society. An attempt to analyze the key problems of modern Dagestan society from the standpoint of the crisis of traditional society is made. The author emphasizes changes in social spheres of Dagestan society, which have significantly changed professional, gender, demographic, ethnical and territorial structure of the society. In author's opinion crisis condition of Dagestan society is mainly connected with the fact that these changes were not reflected in political system of the society.

Keywords: *archaization, identity, marginalization, protective authoritarianism, social structure, traditional society, religious and political extremism, ethnic nationalism, ethnos.*

В современном мире все более явственным становится вычленение двух основных субъектов мировой политики и международных отношений – транснациональной международной элиты и национальных государств. Объектом транснациональной международной элиты являются глобализационные процессы, с ними связаны ее интересы и само ее существование. Интересы национальных государств в большей степени связаны с региональными процессами, они являются объектами их деятельности. Таким образом, вычленяется и основное противоречие современности – между процессами регионализации и глобализации, выступающее в сфере политики как противоречие между транснациональной элитой и национальными государствами.

Представляется, что транснациональная элита является сегодня главной движущей силой изменений, возможно, развития, а то и модернизации, в то время как национальные государства выступают в большей степени с охранительных позиций, с позиций сохранения статус-кво или, по крайней мере, его постепенного эволюционного изменения. Поскольку транснациональная элита консолидируется как, прежде всего, западная и на западных ценностях, то объектом ее воздействия становятся в основном национальные государства развивающихся стран, находящихся на этапе раннего модерна или

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на Всероссийской научной конференции «Ислам в начале XXI века», прошедшей в г. Махачкале РД 19–20 декабря 2013 года.

домодерна. Это воздействие сопровождается разрушением традиционных социальных структур в этих обществах, кризисом политической системы с последующими режимными изменениями, которые часто ставят под вопрос само существование национального государства. Врагами Запада становятся быстро развивающиеся светские национальные государства с большой численностью населения, многие из них в результате манипуляций Запада (в последнее время это всякого рода «цветные» революции) перестают быть значимыми субъектами международных отношений. Запад целенаправленно убирает с мировой арены вполне светские режимы, заменяя их на архаические. Архаичные страны не претендуют на долю в глобальном ресурсном пироге, политика архаичных стран обращена вовнутрь, а не вовне. Иранская революция, «арабская весна», Сирия – это все звенья одной цепи. Защитная реакция национальных государств в этих условиях принимает форму авторитаризма, выступающего в роли охранительной системы в период глобальной неопределенности и непредсказуемых последствий для целостности существующей государственности. Только сильное национальное государство может противостоять растущему транснациональному давлению. А в условиях слабой экономики оно не может не принимать форму авторитарного политического режима. Авторитарные режимы, стоящие на страже национальной государственности, стали главными объектами атак со стороны транснациональной элиты и ее вооруженных сил (НАТО) в последние десятилетия. Атакам на национальную государственность транснациональных элит предшествовал развал Советского Союза, инициированный и спровоцированный этой элитой и ее агентами в стране. Советский Союз (при всем неприятии форм и методов реализации его социального идеала) представлял собой альтернативный путь развития национальной государственности, где деятельность транснациональной элиты находилась бы под контролем национального государства, а не наоборот, как это происходит сегодня. В условиях слабой экономики даже небольшая либерализация охранительного авторитаризма в СССР привела к лавинообразному процессу развала государственности.

Опыт СССР стал предостережением для многих постсоветских режимов, являющихся сегодня ярчайшими иллюстрациями охранительного авторитаризма. Охранительный авторитаризм господствует сегодня и в Российской Федерации.

Возникновение охранительного авторитаризма не является чем-то случайным, это естественная реакция общества на кризисную ситуацию, по сути, это обращение к прошлому опыту, оказавшемуся успешным при преодолении кризисов. Это не означает, что такой выбор является лучшим, но это означает, что на данном этапе обществом не выработано другой более эффективной идеи или такая идея имеется в наличии, но ее реализация чревата другими кризисами, угрожающими или обществу в целом, или его значимым сегментам. Главная проблема, которая возникает при утверждении охранительного режима, заключается в том, что такой режим, опирающийся на прошлый опыт, сформировавшийся в более простых исторических условиях, не может обеспечить эффективное и адекватное управление на длительную перспективу. Охранительный авторитаризм выступает, в конечном счете, средством обуздания кризиса традиционного общества. С одной стороны, он обеспечивает целостность государства, оберегая его от разноса по этническим или конфессиональным признакам, с другой стороны, охранительный авторитаризм является серьезным препятствием на пути модернизации общества, на пути его движения к современности. При этом следует иметь в виду, что и в том и в другом качестве он не может быть долговечным, срок существования такого режима в полной мере зависит от степени кризиса традиционного общества. Под крылом охранительного авторитаризма как реакция на кризис традиционного общества и

вызревают процессы архаизации. Поскольку кризис традиционного общества в первую очередь бьет по базисным ценностям личности, которые определяли ее идентичность, то в целях ее сохранения личность, а то и целые социальные группы, обращаются к архаике. При этом следует различать архаизацию как реакцию на кризисное состояние общества и архаизацию как реакцию на модернизационные процессы, инициированные сверху и слабо согласованные с традициями общества. На практике же мы имеем дело с социальными процессами, возникающими на стыке кризиса традиционного общества, модернизации и встречного процесса архаизации. Степень архаизации зависит, очевидно, от степени и масштаба кризиса в первом случае или модернизации во втором случае. При этом следует иметь в виду, что в тех обществах, где модернизационные процессы оказываются успешными, появляются схожие ценности, закрепление и стабилизация которых происходят в последующих поколениях.

В архаике зеркально отражается кризис традиционного общества, каждое проявление кризиса чаще всего сопровождается архаичными вывертами на полубессознательном или бессознательном уровнях. При этом архаике следует отличать от традиции. Обращение к традиции это всегда осознанный процесс, обращение к традиции играет на современность, к архаике – против современности.

Кризис традиционного общества сопровождается охранительным авторитаризмом и архаизацией обычно в тех условиях, когда обществу не предложена целостная идеология модернизации, воспринятая большинством населения страны и легитимирующая тем самым временные ограничения демократии в целях сохранения национальной государственности.

Отсутствие идеологии модернизации сегодня существенно ослабляет позиции существующего в России охранительного политического режима, делает его объектом критики не только со стороны либерального Запада, но и внутренней оппозиции, в том числе оппозиции конструктивной.

Идеологическая импотенция власти способствует тому, что кризис традиционного общества затягивается, вовлекая в орбиту архаизации новые сферы общественной жизни. Наиболее опасными с точки зрения единства и целостности российского государства являются процессы роста русского этнического национализма и встречного национализма других этносов страны, принимающего на практике в мусульманских регионах форму религиозного фундаментализма. Очевидно, русский этнический национализм и радикальный исламский фундаментализм – это проявления неадекватной реакции на инновации в традиционном обществе, а в плане архаики они выступают как отголоски древнейшей формы племенной розни. Это то, что в свое время американский футуролог Э. Тоффлер назвал футурошоком, шоком будущего. Технические инновации в России совпали с инновациями социально-экономическими («шоковая терапия» в экономике) и политическими (демократия западного образца, нахлобученная на голову уставшего от тоталитаризма народа). Эти инновации привели к идеологическому, а затем и к духовному кризису всего общества. Шок будущего возникает тогда, когда наступает предел новизны, который может усвоить человек за короткий период времени. Шок будущего – это следствие страхов перед стремительными переменами, следствие состояния неопределенности, особенно в молодежной среде. Сегодня мы еще не знаем, какое поколение родилось и выросло за последние пятнадцать лет. Им еще только предстоит вступить в активную жизнь. Но мы уже видим, насколько они подвержены экстремистским веяниям, насколько манипулируемо их сознание. Поведение этого поколения с позиций сегодняшнего дня непредсказуемо, как непредсказуема и та новая культурная реальность, которую они создадут. На молодежь, прежде всего, опирались

вдохновители и застрельщики «цветных» революций в Украине, Сербии и Грузии. Националистические и религиозно-экстремистские группы также состоят из молодых людей, только-только вступающих в жизнь.

В Дагестане кризис традиционного общества затянулся, по сути, уже на четверть века [2]. Он затронул практически все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политическую, духовную. При этом модернизационные призывы носят всегда запоздалый характер, что имеет своим следствием вымывание из республики кадрового потенциала модернизации. Одновременно наблюдается рост архаики, хотя считать процессы архаизации исключительно отрицательным явлением, тоже, на мой взгляд, не следует. Все-таки на определенных этапах архаизация выступала и как механизм выживания, и как механизм социального регулирования в условиях общеполитической нестабильности.

В экономике – закрытие промышленных предприятий, резкий рост сферы торговли и услуг, ликвидация крупных аграрных хозяйств, повсеместное утверждение в сельской местности натурального хозяйства, отсутствие спроса на современную производительную технику, ликвидация исторически сложившегося баланса между равниной и горами, привнесение на равнину культуры хозяйствования, сложившейся в высокогорной местности (в Кизлярском и Тарумовском районах вырубаются сады, виноградники, освобождают площади для выпаса скота) и т. д. По большому счету в эти годы произошла утрата населением республики основных экономических ориентиров, следствием чего явилось обращение к формам хозяйствования доиндустриальных обществ, прежде всего к торговле, а на место производства встало чистое потребление.

В социальной сфере, прежде всего в социальной структуре дагестанского общества произошли существенные изменения, которые не нашли своего отражения в политической системе. Радикально изменились профессиональный, демографический, гендерный, классовый и этнический состав населения Дагестана. Экстремизм во многом является и следствием обострения в последние десятилетия проблемы отцов и детей в нашей республике. Родители, чье мировоззрение сформировалось в атеистические советские годы, оказались не готовы к религиозному ренессансу девяностых годов. В результате мы получили поколение, чья вера формировалась не естественным путем, когда она переходит от родителей к детям, от отца к сыну, от матери к дочери, а случайным – либо по ваххабитской литературе, либо от недоучек-сверстников, либо от малограмотных имамов мечетей. Вера и этничность – это основы человеческой идентичности, поэтому они должны исходить от родителей. В противном случае, новообращенные вместо действительных глубин веры воспринимают и воспроизводят в своей религиозной практике крайности веры, кажимое принимается за действительное, явление за сущность. В республике за годы атеизма во многом утеряна религиозная культура, основанная на обожествлении нравственного отношения к миру. В этих условиях вера начинает приобретать фанатичный характер, толкая новообращенных на такие поступки и деяния во имя веры, которые запрещены всеми Священными Писаниями. В дагестанском экстремизме на поверхность выходят самые темные глубины веры, особенно в последнее время, когда сын «заказывает» отца или брат убивает брата по религиозным причинам. И ислам, и христианство, и иудаизм запрещают во имя веры поднимать руку на отца, мать, брата, сестру (вспомним историю пророка Ибрагима и его сына Исмаила). Всевышний отвергает такую веру, Бог не принимает такой жертвенности ради веры. Бог указывает человеку пределы, за которые его вера не может выходить. Это и есть те темные, мутные глубины веры, которые противны Богу, и которые сегодня вышли на поверхность в практике дагестанского экстремизма.

Негативные последствия изменений в социальной структуре связаны с массовой маргинализацией населения. При этом следует различать в наших условиях социальную и этническую маргинализацию. Одним из факторов социальной маргинализации стал массовый исход населения из горной зоны. Мигранты в нашей республике заселяют в основном окрестности крупных городов, образуя посады, где утверждается некий промежуточный образ жизни, в котором сочетаются элементы как сельской, так и городской жизни. Происходит размывание ценностей, утверждаемых и контролируемых сельской общностью. В условиях ослабления контроля со стороны традиционной общности, а то и его полного отсутствия, эти ценности, формировавшие в компактных общностях естественный социальный порядок, перестают быть в новых условиях регуляторами такого порядка. Здесь наряду с размыванием традиционных ценностей, не происходит одномоментного утверждения ценностей городского образа жизни, прежде всего, законопослушания. Неустойчивость социального статуса, противоречивость, а то и внутренний антагонизм в самоопределении и самоидентификации, двойственность сознания в условиях отсутствия устоявшихся идейно-ценностных ориентиров делают маргинала чувствительным к малейшим кризисным ситуациям, подверженным внешнему влиянию, быстро впадающим в панику и готовым к быстрому восприятию настроений большинства, особенно толпы. Маргинальная среда в силу своего промежуточного положения является наиболее подходящей для вызревания экстремистских настроений.

Говоря об этнической маргинализации, мы исходим из того, что в последние десятилетия появилось целое поколение дагестанцев в городах республики, которое потеряло большинство объективных признаков, позволяющих отнести их к той или иной народности республики. Это касается не только языка и особенностей культуры, но и всего комплекса обычаев и уклада жизни. Этими признаками, безусловно, обладают все народы Дагестана в местах их исторического проживания. В городах же они практически размываются. В своей основной массе подрастающее поколение не знает родного языка. Если кто-то и владеет разговорным языком, то ни читать, ни писать на родном языке они не умеют. Соответственно им закрыт доступ к культуре своего народа, они перестают быть и ее носителями. Исчезает межпоколенная передача всего комплекса обычаев, на его место приходит закон, единый для всех этносов, живущих в городе. Остается лишь самоназвание, т. е. я лакец, я кумык, я лезгин и т. д. Главное же заключается в том, что в основе самоидентификации лежат не столько некие рациональные послышки, сколько эмоциональные. Вот этот стремительно растущий особый социальный слой, обладающий общими объективными признаками и различающийся лишь субъективной самоидентификацией я и называю пятнадцатым «этносом» или «народностью» Дагестана.

Учитывая то, что в республике большинство жителей живет в городах, и тенденции роста городского населения в обозримой перспективе будут сохраняться, именно «пятнадцатая народность» уже сегодня определяет и чем дальше, тем больше будет определять содержание, характер и динамику политического пространства в республике. По сути, этнические маргиналы превращаются в доминирующий социальный слой республики. Тем важнее учитывать в политической практике негативные стороны эмоциональной самоидентификации этой растущей массы людей.

Во-первых, поскольку групповое поведение «пятнадцатой народности» имеет скорее эмоциональную, чем рациональную основу, таким поведением легко манипулировать в корыстных политических интересах. В свое время вдохновителями основных идей национальных движений являлись именно представители городской интеллиген-

ции, оторванной от объективных корней собственного этноса. Эмоциональный характер самоидентификации делает людей легко возбудимыми, способными на быструю мобилизацию.

Во-вторых, эмоциональная самоидентификация не является достаточно прочной, она подвержена изменениям и перепадам. Она может меняться под влиянием политических партий, институтов и интеллектуалов, которые, конструируя этнические, мировоззренческие и культурные различия, внедряют их в головы людей с неустоявшейся идентичностью. Уже очевидно, что именно «пятнадцатая народность» является сегодня основным объектом религиозной экспансии ислама, особенно его крайних политизированных форм. Такая экспансия оказывается достаточно успешной, поскольку субъективная этническая самоидентификация, лишенная объективных оснований, находится в поиске более прочных оснований идентичности. И религия дает их, создавая иллюзию причастности к традициям, обычаям и укладу жизни этноса.

В-третьих, эта категория людей более подвержена всяким националистическим заскокам. Оторванные от действительной национальной почвы, с ослабленной генетической памятью, живущие больше мифами о предках и истории собственного народа, они склонны воспринимать в гипертрофированном виде даже маленькие проблемы, возникающие на национальной основе, или же интерпретировать многие общественные проблемы сквозь призму национализма. Ведь в этой среде представления о другом народе формируются не на основе знаний о его культуре и быте, а в большей степени на основе слухов, мифов, штампов, предубеждений и даже анекдотов. Не имея собственной идентичности, не владея родным языком, не будучи носителями культуры своего народа, они в большей степени склонны относиться с пренебрежением и к культурному своеобразию других [3, с. 471–476].

В политике следствием кризиса традиционного общества являются делегитимация основных институтов существующей политической системы, возрождение архаичных форм управления общественными процессами и политического регулирования конфликтов. Основная масса людей сегодня лишена возможности участвовать в политическом процессе. Существующий политический режим в Дагестане легитимирован, на мой взгляд, двумя факторами – авторитаризмом и безразличием. С одной стороны, режим достаточно длительное время демонстрирует свою эффективность в кризисных ситуациях и обеспечивает относительную стабильность в обществе, с другой – он не создал систему обратной связи, механизмов влияния общества на власть. У нас система легитимизации деформирована: на выходе – авторитет власти в виде решений и распоряжений, а на входе – апатия и безразличие. Режим не смог создать в республике системную оппозицию, которая, признавая общие правила игры, занималась бы конструктивной критикой и публично предлагала альтернативы. Оппозиция начинает консолидироваться за пределами системы, принимая формы политического и религиозно-политического экстремизма. Экстремизм подменяет общую идею государственности той, которая отвечает его представлениям о власти и обществе. В этих условиях терроризм в отношении инакомыслия возводится в ранг справедливости. Происходит актуализация догосударственных политических практик, вплоть до обращения к архаичным формам управления: джамааты, съезды народов Дагестана, создание всякого рода землячеств, изменение в политической культуре, проникновение в повседневную практику функционирования государственных структур догосударственных форм и структур.

Архаизация политических практик проявляется и в том, что происходит, по существу, легализация в политике криминала, а коррупционная сеть становится всеобъемлющей. Во многих регионах страны, в том числе в Дагестане, представители криминала

заседают в законодательных собраниях, возглавляют муниципалитеты, министерства и ведомства, покупают должности руководителей территориальных управлений федеральных органов власти. Здесь нет понятия «организованная преступность», поскольку она уже давно срослась с властью. В народном сознании понятия «мафия» и «власть» стали уже неразделимыми, синонимичными. Анализ практики политических режимов ряда субъектов Северо-Кавказского федерального округа невольно заставляет припомнить давнее высказывание М. Бакунина о бонапартистском политическом режиме во Франции в 1851–1871 годах. Он писал, что этот режим не является по сути ни принципом, ни политическим течением, не вызван каким-либо интересом в экономическом и политическом развитии страны. Просто-напросто банда разбойников, воспользовавшись глубокими разногласиями между классами французского общества, ночной порой внезапно и дерзко овладела Францией и, захватив власть, удерживала ее двадцать лет. У него есть лишь одно средство, но очень сильное: коррупция, которая, впрочем, изобретена не бонапартистами, но получена ими как историческое наследие – единственное, которым бонапартизм сумел воспользоваться и продуктом которого стал сам [1].

В духовной сфере под влиянием различных регионально-временных цивилизаций дагестанская идентичность обрела определенную двойственность. Сегодня эта двойственность доведена до своей крайней степени – она расколота. Раскол идентичности происходит на фоне утраты культурных ориентиров и распада цивилизационной идентичности. Расколота наша духовность. Безусловно, в формировании нашей идентичности огромную роль сыграла исламская цивилизация. В современном Дагестане религия все больше становится неким символом, который используется для консолидации определенных социальных групп общества в борьбе за власть и богатство. Салафизм стал знаменем в большей степени маргинализированной части дагестанского общества, лишенной во многом доступа к реальной власти и распределению общественного богатства, а традиционный ислам используется старыми социальными структурами для сохранения собственных позиций. Очевидно, что такое положение дел наносит удар по самой религии, исполнению ее основного предназначения в обществе. Главное же заключается в том, что быстротечность и радикальность изменений в религиозной структуре дагестанского общества превратили раскол в существенный фактор политической жизни общества.

При анализе процессов десекуляризации дагестанского общества следует иметь в виду, что народы Дагестана приняли ислам тогда, когда они уже находились в своем развитии на этапе цивилизации. Наши народы имели уже свою государственность, действовали политические нормы и законы, многие из них даже имели монотеистическую религию – православно-христианскую, армяно-григорианскую или иудаистскую. В Дагестане сохранились памятники зороастризма, его элементы обнаруживаются также в фольклоре народов Дагестана [4]. Многие письменные и археологические источники свидетельствуют о том, что еще в первом тысячелетии нашей эры, еще до арабского нашествия, культура народов Дагестана развивалась по восходящей линии и была сопоставима с культурой сопредельных народов и стран. Утверждение ислама в Дагестане растянулось в силу указанных причин на столетия и завершилось, по сути, лишь в XIX в. Безусловно, столкновение разных цивилизаций не происходит безболезненно. Религиозное знамя освободительной борьбы народов Дагестана под предводительством великого Шамиля во многом являло собой отражение этой борьбы. Мы понесли громадные потери в ходе этой борьбы. Тем не менее, дагестанская государственность сохранила светский характер, ислам не стал нашим образом жизни, а лишь стержнем нашей нравственности. Да, ислам – это часть и очень важная часть нашей идентично-

сти, но сама наша идентичность к нему не сводится. Да и надо ли стремиться стать большими мусульманами, чем того требует сама история исламской цивилизации?

Развитие исламской цивилизации шло от единого Арабского халифата, основанного на шариатских принципах, к светскому государству через постепенное формирование суверенных национальных государств, где наряду с религиозной идентичностью утверждалась этническая, а затем и национальная идентичность. Сохранение светского характера Дагестана возможно при возрождении религиозной культуры, которая была исторически присуща дагестанскому обществу, а также привлечении дагестанской молодежи к активной экономической жизни. Утерянные традиции религиозной культуры приводят к тому, что вера начинает принимать форму фанатизма, новообращенный оказывается в плену обрядовости, ритуалы и внешняя форма заслоняют от него действительную сущность религии. На религиозной почве вызревает реальный конфликт поколений. Для новообращенных, особенно молодежи, перестает существовать авторитет старшего, даже родителей, которые не воспринимают религиозный фанатизм нового поколения. Для того чтобы вера стала частным делом, а не социальной нормой, каждый отдельный человек должен иметь возможность практиковать свою индивидуальность. Это уже вопрос экономической состоятельности. По мере роста экономических основ индивидуальной свободы будет меняться и роль веры, будет утверждаться понимание того, что вера – это сфера личной жизни человека, а не государства и общества.

В современном Дагестане стремление к реформам, сопровождаемое архаизацией, создает картину раскола и конфронтации в обществе. Преодоление этого состояния общества во многом зависит от зрелости институтов гражданского общества, от интенсивности общественного диалога, который, как показывает мировая практика, реализуется обычно в форме договора общественного или национального согласия. В условиях дефицита диалоговых форм, что сегодня мы и наблюдаем в Дагестане, архаичная культура начинает сокрушаться на своем пути все иные формы, особенно ориентированные на прогресс. К сожалению, сегодня в республике потенциал архаизации выше чем потенциал модернизации, и связано это прежде всего со слабостью системы местного управления, полностью отстранившегося от духовного и культурного воспитания населения.

Литература

1. Бакунин М.А. Государственность и анархия. – М., 1996.
2. Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя. Сборник статей / под ред. А.-Н.З. Дибирова. – М.: РОССПЭН, 2013.
3. Двадцать лет реформ: итоги и перспективы / под общей ред. члена-корр. РАН М.А. Горшкова и проф. А.-Н.З. Дибирова. – Махачкала. 2011.
4. Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии в истории народов Дагестана. – Махачкала, 2006.

Поступила в редакцию 28 декабря 2013 г.